

тики, но и в поглощеніи технического и бытового регулированія принудительным хозяйственным планом государства.

К сожалѣнію, автор придает столь большое значеніе упорядоченію государственнаго вмѣшательства в хозяйственную жизнь в его настоящих переходных формах, что не отдает себѣ должнаго отчета в тѣх грандіозных и активных задачах, которыя ставятся перед государством дальнейшей эволюціей капиталистическаго строя. Хотя фон Готль признает, что регулятивный этиатизм вырос за послѣдніе годы, он все-же считает это явленіе случайным и несущественным. По мысли автора государственное вмѣшательство развивается волнообразно и не является показателем каких-либо структурных измѣненій в капитализмѣ. Даже рационализациа экономической политики государства, создающая «плановое хозяйство» *sui generis*, не реформирует, а лишь нѣсколько усовершенствует (по его мнѣнію) хозяйственный строй, устраняя хаос, вызываемый случайными мѣропріятіями власти, и обезпечивая государству возможность дѣйствительнаго вмѣшательства при перебоях в техническом и бытовом регулированіи со стороны частнаго сектора.

Нам думается, что стремленіе автора разрушить легенду о постепенном вростаніи капитализма в интегральное плановое хозяйство, которое он вообще считает практически неосуществимым, приводит его, к сожалѣнію, к явной

переоцѣнкѣ повторяемости экономических явленій. Вѣдь никогда рост регулятивнаго этиатизма не был столь неизбѣжен как в условиях современнаго глубокаго разрыва между производством и потребленіем, вызваннаго послѣдней технической революціей. Внѣ дальнѣйшаго осторожнаго расширенія государственнаго вмѣшательства в народное хозяйство сейчас не может быть дѣйствительной рационализациа экономической политики, которую так настоятельно рекомендует фон Готль. К тому-же подчиненіе принудительнаго регулированія со стороны государства единой руководящей идеѣ не сможет не вызвать в данном хозяйствѣ цѣлага ряда существенных реформ в духѣ господствующаго міровоззрѣнія. Не подлежит сомнѣнію, что содержательный и весьма полезный труд фон Готля выиграл бы в своем объективном значеніи и даже в логической стройности, если бы автор отказался от своего утвержденія, что рост регулятивнаго этиатизма, наблюдаемый в наши дни, является лишь періодическим явленіем.

Б. С. Ивбодин.

FEDOR STEPUN. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig. Gotthelf-Verlag, 1934.

Это небольшая, блестяще написанная книжечка двойким образом связана с «Новым Градом»: именем автора, одного из его ре-

дакторов, и той общностью историко-философских идей, которая его связывает с двумя другими. Об этой связи свидетельствуют и цитаты из их книг в первых главах, дающих схематический портрет старой России: природа, крестьянство, интеллигенция, монархия. Но и в здѣсь, конечно, вклад самого автора весьма значителен, и русский читатель узнает многія из «Мыслей о Россіи», печатавшихся годами в «Современных Записках». Такова основная степенювская интуиція русской религиозности, которая непосредственно связывается им с созерцаніем русской земли: как безконечность (максимализм) и безформенность (варварство). Большевизм для автора есть «псевдоморфоza», или отрицательная форма этой русской религиозности. В анализѣ русской революціи и особенно идей ленинизма, которому посвящена вторая часть, Степун вполнѣ оригинален и вполнѣ свободен от возможнаго упрека — схематизмъ. Убийственно вскрыты всѣ парадоксы марксизма в крестьянской революціи, дана мастерскими штрихами философія революціи, как таковой, с ея гибелью реакціонных и революціонных идеологій, и даже нарисован конкретный образ большевистской диктатуры первых лѣтъ, беспощадный и правдивый. Ярко вскрыты безумія и мнимость революціи, как идеологій, не отбрасывают автора в контр-революціонный стан. По новгородски он борѣтся против большевизма и слѣва и справа за новую Россію, трезвую и очищенную страданіем, призванную к

«примиренію идей» на почвѣ, удобренной пеплом «идеологій». Нужно ли говорить о мастерствѣ, с которым написана книга? Тѣм из наших читателей, кто знает лишь русского Степуна, скажем, что, повидимому, нѣмецкій язык дает полную мѣру всѣх возможностей его стиля. Этот пьянящій кубок, гдѣ философскія абстракціи играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гете и Ницше. Степун владѣет им, как артист и как мыслитель.

Г. Ф.

МЕЧ. Еженедѣльник. Варшава.
№№ 1-6.

Новый журнал является органом объединенія двух литературных кружков: парижскаго и варшавскаго, группирующихся вокруг обѣих редакторов — Мережковскаго и Философова. В отличіе от большинства литературных предпріятій эмиграціи, новый журнал хочет быть не просто литературой, а глашатаем эмигрантскаго активизма. Опасности, угрожающія застоєм и смертью нашему зарубежному литературному стану, показаны вѣрно и безстрашно. Не совсѣм ясны средства, предлагаемыя для их преодоленія. По словам передовой статьи перваго номера, «в редакціи нашей (т.-е. варшавской), дѣлается особый «нажим» на активизм политическій. В Парижѣ дѣлается «нажим» на активизм идеологическій и творческій». Дѣйствительно, у нас создается вле-